

© 1995 г. Л.С. ЕРМОЛАЕВА

**К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАНТЕ ЯЗЫКОВ
НОМИНАТИВНОГО СТРОЯ**

1. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Согласно широкораспространенной точке зрения, в основе контенсивно-типологической характеристики языка лежат способы передачи в нем субъектно-объектных отношений действительности. Вместе с тем нельзя не согласиться со справедливым замечанием Г.А. Климова относительно неравномерной представленности субъектно-объектной ориентации компонентов языковой структуры в языках различных контенсивных типов: последовательность процессов формирования активного строя (из классного), эргативного (из активного) и номинативного (из эргативного или активного) трактуется "в грубом приближении как единый процесс последовательного возрастания субъектно-объектной ориентации компонентов языковой структуры, особенно ощутимой в рамках номинативной системы" [Климов 1983: 176–177]. Соответственно, активность ("одушевленность")/инактивность ("неодушевленность"), агентивность/фактитивность¹, субъектность/объектность рассматриваются как семантически близкие противопоставления, выступающие в качестве детерминант различных контенсивных типов [Климов 1983: 177].

Трудности, связанные с разграничением указанных семантических противопоставлений, становятся тем более понятными, если учесть неоднозначность терминов "субъектность" и "объектность" и многоплановость обозначаемых ими явлений² даже в отношении различных языков одного и того же контенсивного типа. Последняя возникает в результате переплетения в семантике номинативной структуры ситуационного, коммуникативного, дейктического [Кибрик 1994: 17–18] и, видимо, референциального компонентов, поскольку типичные носители референциальных значений – артикли, число, интонация и др. – значимы и в плане актуального членения предложения (ср. [Кибрик 1992: 185]). Вообще же в репертуаре семантических компонентов высказывания ситуационный компонент является не только главным [Кибрик 1992: 184], но, видимо, и базовым в процессах семантического развития, т.е. на основе ситуационного компонента путем его постепенного переосмысления могут развиваться новые значения коммуникативного или референциального, а также дейктического характера. В качестве примеров можно назвать преобразование видовых форм во временные (т.е. дейктические), преобразование "внутренней" (объективной) модальности во внешнюю (субъективную), числительного "один" в неопределенный артикль (референциальное значение) и др. Уже в силу таких преобразований, но даже и в условиях относительной стабильности различные по своему характеру компоненты семантического представления могут сочетаться, совмещаться (или быть сопряженными) в одной форме (конструкции), причем в рамках этой формы (конструкции) ведущим может оказаться уже не ситуационный компонент, а тот, который является

¹ Об агентивности/фактитивности см. [Кибрик 1976: 34–35].

² См., например, одну из недавно вышедших монографий, посвященных этому вопросу [Теория 1992].

исторически производным от него (ср., например, видовые оттенки временных форм, хотя исторически временные формы развиваются на базе видовых).

Сказанное имеет прямое отношение к проблеме эволюции контенсивных типов и постепенной смене одной семантической детерминанты другой. Под семантической детерминантой языков различной типологии в настоящей статье понимается тот "внутренний стимул", который определяет специфику содержательных характеристик составляющих языковой тип структурных признаков [Климов 1983: 84]. Как таковая она формулируется в плане ориентированности парадигматики различных уровней на передачу тех или иных отношений. При таком подходе проблема подлежащего оказывается лишь частью проблемы выявления семантической детерминанты контенсивного типа.

Обращение к проблеме содержания подлежащего вызвано недостаточностью дефиниции номинативного строя на основе универсальности формы подлежащего в отличие от его разнооформленности в языках эргативного и активного строя. Кроме того, эта дефиниция базируется на допущении об универсальности самого понятия подлежащего, обязательного для языков различных контенсивных типов, которое также подвергается критике [Кибрик 1994]. Поэтому уточнение содержания подлежащего в номинативных структурах могло бы способствовать также решению вопроса о генезисе синтаксического членения предложения.

Если в основу характеристики номинативного типа положить тенденции его развития, то, думается, будет гораздо легче выделить одну ведущую тенденцию, которая и будет основной характеристикой данного типа. До настоящего времени остается необъясненным тот парадоксальный факт, что в ряде языков, характеризующихся вполне сложившимися импликациями номинативности и устранившимися неноминативные структуры (ср., например, ранний ср.-англ.: *me liketh* > поздний ср.-англ. *I like* "мне нравится"), наблюдается тенденция к свертыванию оппозиции номинатив/аккузатив (современный английский, как и многие другие новые индоевропейские языки, не знает этого противопоставления в сфере существительного). Иными словами, здесь наблюдается такая тенденция развития номинативной конструкции, которая приводит к устранению номинатива, что представляется весьма симптоматичным.

Нельзя сказать, что указанный парадокс остался незамеченным, так, например, Н.С. Трубецкой, характеризуя номинативную структуру предложения, свойственную индоевропейским языкам, разграничивает падежные и беспадежные языки, отмечая, что в последних различие между подлежащим и прямым дополнением переходных глаголов выражается порядком слов в предложении [Трубецкой 1987: 52]. Однако, как правило, данное явление объясняется в рамках так называемой формальной типологии как результат развития аналитизма или элементов изоляции, поскольку функции флексии переходят к чисто синтаксическим средствам. Нисколько не сомневаясь в убедительности этого положения, вместе с тем нельзя не отметить, что структурно-типологическая характеристика этого факта не исключает необходимости его контенсивно-типологической интерпретации, а, на наш взгляд, скорее всего открывает возможности такой интерпретации, иными словами, структурно-типологическая интерпретация – не самоцель, а часто лишь способ проникновения в контенсивно-типологическую характеристику явления (о соотношении контенсивной и структурной типологии в этом плане см. [Кибрик 1976; Ермолаева 1991]).

2. О ТРАДИЦИОННОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ НОМИНАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Как известно, Н.С. Трубецкой сформулировал в свое время шесть обязательных структурных признаков индоевропейских языков, из которых большинство носят "отрицательный характер" [Трубецкой 1987: 50–52]. То, что Н.С. Трубецкой сознательно прибегает к отрицательным характеристикам индоевропейских языков, свидетельствует не только об определенных исходных общетеоретических позициях ученого с характерным для него интересом к явлению нейтрализации в его различных

проявлениях, но и о том, что установленные им шесть обязательных структурных признаков индоевропейских языков (или по крайней мере большинство из них) выявлены как бы через призму неиндоевропейских языков, причем индоевропейские языки характеризуются в плане их сходства/несходства с языками иных семей. Разумеется, без учета сходств и различий никакая характеристика не может быть более или менее информативной. Но все дело в том, что за той или иной отрицательной характеристикой, как правило, онтологически скрывается некий положительный признак, именно и составляющий подлинную характеристику описываемого явления. Иными словами, недостаточно сказать, что в индоевропейских языках чего-то нет, гораздо важнее установить то, что в них есть в отличие от языков других семей, что могло бы составить их положительную характеристику. Исходя же из системного характера языка, было бы целесообразным поставить вопрос о неслучайности отсутствия того или иного признака у индоевропейских языков, иными словами, во имя чего утрачивается (либо не развивается) тот или иной признак.

Обратимся непосредственно к формулировке шестого структурного признака индоевропейских языков у Н.С. Трубецкого: "Подлежащее непереходного глагола трактуется совершенно так же, как подлежащее глагола переходного" [Трубецкой 1987: 52].

В основе этой формулировки лежит признание того факта, что в ряде языков, а, как явствует из дальнейшего изложения [Трубецкой 1987: 57], и в индоевропейских языках в наиболее древний период их развития наличествует различная трактовка подлежащего непереходного и переходного глаголов. Таким образом, номинативная конструкция индоевропейских языков характеризуется сквозь призму эргативной конструкции.

Такая трактовка номинативного строя оказала большое влияние на развитие сравнительного языкознания, не только индоевропейистики, но и типологии в целом. Утвердилось мнение, что номинативный строй предложения как один из способов выражения субъектно-объектных отношений отличается наличием номинатива т.е. "универсального падежа подлежащего, независимого от класса сказуемого" [Гухман 1967: 58]. Однако универсальность подлежащего – это его признак, отграничивающий номинативный строй от эргативного и активного, но не определяющий его с какой-либо положительной стороны. При таком подходе остается "за кадром" весьма существенный процесс, оказывающий влияние на целый ряд исторических изменений в системе индоевропейских языков, – процесс исторической топикализации подлежащего.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ КОММУНИКАТИВНОГО И СИНТАКСИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В самых общих чертах и весьма предварительно о нашем понимании основного содержания номинативной конструкции как основы тема-рематического членения предложения и об истоках этой теории говорилось в [Ермолаева 1991]. В соответствии с постановкой вопроса о семантической детерминанте языков номинативного типа в настоящей статье представляется необходимым уточнить некоторые понятия и несколько расширить подход к данной проблеме, что, однако, не означает ни ее исчерпывающего изложения, ни тем более окончательного решения.

Первое, что хотелось бы уточнить, – то, что при определении основного содержания номинативной конструкции речь не идет об обязательном охвате в данном определении всех случаев функционирования этой конструкции в различных языках, но лишь о ведущей тенденции развития данной конструкции, которая является причиной как расширения сферы функционирования этой конструкции, так и изменений, происходящих на морфологическом уровне в связи с утверждением номинативного строя.

Эта основная тенденция, как нам представляется, заключается в том, что тема (топик) высказывания (по крайней мере там, где она выражена именем) все более стремится обрести форму подлежащего. Ср.: "В сущности, подлежащие – это грамматикализованные топики" [Ли, Томпсон 1982: 228], где синхроническое содержание подлежащего характеризуется под углом зрения *результата* произошедших исторических изменений. Говоря же об исторической топикализации подлежащего, мы имеем в виду процесс наполнения подлежащего новым содержанием в ходе исторического развития и утверждения номинативного строя. О том, что процесс этот по меньшей мере в известных нам языках не завершен, говорит не только необходимость разграничивать в целом ряде случаев тему и подлежащее предложения – например: *На собрании* (тема) *выступал директор* (подлежащее) –, но и наличие в ряде языков неноминативных (*У него нет родственников*) и псевдономинативных (*У него есть родственники*)³ структур.

В связи с этим становятся понятными объективные трудности адекватного определения подлежащего для различных языков номинативного строя. Ср., например, перевод следующих неноминативной и псевдономинативной конструкций русского языка на немецкий: *Er hat keine Verwandten* и *Er hat Verwandte*, где личное местоимение *er* в обоих предложениях является подлежащим-топиком. В связи с этим необходимо отметить, что привлечение материала различных языков хотя и усложняет процедуру синхронического определения подлежащего, но значительно облегчает процедуру установления основной тенденции развития подлежащего, поскольку сопоставление материала современных языков и материала одного и того же языка в разные периоды его истории позволяют говорить об определенной "ступенчатости" (термин В.М. Солнцева [Солнцев 1993: 9]) осуществления тенденции к топикализации подлежащего в различных языках. Сравнивая латинские конструкции с *mihi est* "у меня есть" и с *habeo* "я имею", из которых первая обладает большей хронологической глубиной, можно сделать вывод и о большей хронологической глубине русских неноминативных и псевдономинативных конструкций с глаголом *быть* по сравнению с немецкой номинативной конструкцией с *haben* "иметь".

Сказанное не означает, что при синхроническом подходе основное содержание подлежащего вообще не может быть установлено. Даже если отвлечься от историко-типологического аспекта проблемы, путем синхронического анализа разноструктурных, но функционально близких образований в рамках одного отдельно взятого языка, можно отличить типичную конструкцию предложения от конструкций, обусловленных какими-либо дополнительными факторами, о чем уже неоднократно говорилось в исследованиях, посвященных проблеме субъектно-объектных отношений. Так, А.В. Бондарко, строго разграничивая терминологически субъект действия (противопоставляемый его объекту) и субъект пропозиции (суждения), справедливо отмечает сопоставимость оснований, на которых определяются данные понятия: "Предпосылкой анализа, направленного на изучение взаимосвязей субъектно-объектных функций, определяемых на разных основаниях, является тот факт, что эти основания при всех различиях между ними сопоставимы. Как известно, существует широкий круг предложений (типа *Туристы разжигали костер*), в которых подлежащее *туристы* с любой точки зрения определяется как С, а дополнение *костер* – с любой точки зрения, допускающей понятие О⁴, будет определено как О. Этот факт лишний раз подтверждает существование взаимных связей между теми аспектами субъектно-предикатно-объектных отношений, которые рассматриваются как основания для определения функций С и О" [Бондарко 1992: 45].

Именно существование этих взаимных связей и наличие таких типичных структур,

³ По мнению С.Д. Кацнельсона, *у него* является в данном случае подлежащим [Кацнельсон 1972: 65]. См. об этом ниже.

⁴ С означает здесь "субъект", О означает "объект" (примеч. автора).

как *Туристы разжигали костер*, способствовали тому, что уже Аристотель определил подлежащее как то, о чем говорится в предложении. В этом определении была точно схвачена тенденция развития индоевропейских языков, нашедшая свое отражение в существовании типичных конструкций с подлежащим-топиком, однако не было отражено все многообразие напластований пройденного типологического состояния в этих языках. Аналогично определяет подлежащее Л.П. Якубинский, исходя из характеристики акта познания: "Всякий акт познания подразумевает раскрытие функций и опосредствований некоторого предмета (объекта) познания. Слово, обозначающее этот объект познания, является главным словом в предложении – подлежащим. Всякое слово может быть подлежащим" [Якубинский 1986: 84]. Далее Л.П. Якубинский касается проблемы преодоления абстрактности подлежащего [Якубинский 1986: 85], по сути дела предвосхищая в основных ее чертах теорию референции и освещая с этих позиций явление определенности подлежащего-топика⁵. Именно этот подход лежит в основе определения предложения: "Мы определяем предложение – на нашем этапе развития языка и познания – как преодоление абстрактности подлежащего..., данное в органической и организованной связи его, в диалектическом единстве с другими словами – конкретизаторами, вскрывающими его функции и опосредствования, в первую очередь, со сказуемым [Якубинский 1986: 85].

Пожалуй, единственное, в чем нельзя согласиться с Л.П. Якубинским в этом вопросе, – это утверждение, что всякое слово может быть подлежащим, ибо в этом случае подлежащее полностью отождествляется с топиком и острота проблемы оборачивается простой терминологической тавтологией. Более убедительной представляется в этом плане точка зрения С.Д. Кацнельсона, отмечающего, что хотя в современной науке тема больше не отождествляется с субъектом, т.к. возможна "тематизация" и других членов предложения, "...в нейтральном, не деформированном особыми факторами высказывании субъект и е с т ь тема. Если все же эти понятия приходится различать, то потому лишь, что в некоторых условиях форма субъекта либо "детематизируется" полностью, либо получает значение второстепенной темы" [Кацнельсон 1972: 189].

Отмечаемая С.Д. Кацнельсоном возможность "детематизации" формы субъекта, естественно, говорит о том, что в ходе исторического развития языка произошла ее тематизация, или топикализация, т.е. случаи типа *Вчера была хорошая погода* (ср.: *Погода вчера была хорошая*) рассматриваются как вторичные в синхронном плане образования, отклоняющиеся от основной структуры.

В этой связи полезным оказывается обращение к понятию прототипической конструкции, т.к. именно в таких конструкциях подлежащее и тема в языках номинативного строя совпадают [Касевич 1992: 15–17]⁶. С позиций прототипичности подлежащего подходит к его сопоставительному анализу в современных немецком и финском языках М. Йервентауста [Järventausta 1991]. Рассматривая две прототипические характеристики подлежащего (формальное совпадение с номинативом и референциально-семантический признак определенности), автор в результате анализа текстов устанавливает процент определенных номинативных подлежащих в немецком (70,6%) и финском (53,3%) языках и подвергает сомнению тезис о правомерности применения понятия прототипического подлежащего к немецкому и тем более финскому языку ввиду невысокой количественной представленности таких подлежащих в текстах [Järventausta 1991: 141–143]. Отметим, однако, что в обоих языках процент прототипических подлежащих, согласно подсчетам М. Йервентауста, преобладает над процентом непрототипических подлежащих, а количественные различия между немецким и финским наглядно показывают "ступенчатость" в процессе исторической топикализации подлежащего, протекающем в языках номинативного строя независимо от их родства.

⁵ Современное состояние изучения этой проблемы отражено в [Шмелев 1992].

⁶ В отличие от В.Б. Касевича мы не считаем такое совпадение формальным.

Таким образом, данные синхронического анализа особенно показательны, если рассматривать их на фоне исторического процесса топикализации подлежащего. Прототипическая конструкция является не только первичной (непроизводной) в синхроническом аспекте, не только преобладающей в количественном отношении структурой, но и свидетельством, результатом произошедших семантических сдвигов в грамматическом строе языка, ибо за формой каждой прототипической конструкции стоит определенное содержание, столь же прототипическое, детерминантное для каждого конкретного языка на данном этапе его развития. Иными словами, прототипичность той или иной конструкции должна быть верифицирована и в синхроническом и в диахроническом аспектах. Объясняя семантику и происхождение основного типа двусоставного предложения индоевропейских языков (именительный падеж подлежащего, глагольное или именное сказуемое), лежащего в основе всех остальных его типов, В.Г. Адмони писал: "Именно в силу своей необходимости для речевой коммуникации, которая приобретает реальный смысл для человека только тогда, когда сообщается что-то о чем-то, это связывание двух компонентов отлилось здесь в устойчивые, постоянные формы, которые, кстати, в обобщенном виде воплощают наиболее важные, жизненно необходимые и общезначимые, постоянно повторяющиеся отношения объективной действительности (производитель действия и действие, отдельное и общее и т.д.)" [Адмони 1960: 38].

Учитывая необходимость разграничения логики и грамматики, суждения и предложения, субъекта пропозиции и подлежащего предложения, нельзя забывать и о тесной связи между ними, их единстве, хотя и не тождественности. Именно в силу такой связи субъект пропозиции стремится обрести форму подлежащего. Ср.: "Если подойти к рассматриваемой проблеме с типологической и диахронической точек зрения, то становится ясным, что изначально в языках имела место тема-рематическая структура, которая, возможно, была достаточно жестко связана с логико-предикатной структурой суждения, передаваемого прочим членам коллектива. Развитие социальных и экономических отношений, а также углубляющееся познание окружающего мира создавали предпосылки усложнения коммуникативных структур. Для ряда языков такое усложнение обростало морфологическими показателями, в результате чего обособлялась подлежащно-сказуемая структура, как бы (выделено мною. – Л.Е.) заслонившая тема-рематические отношения" [Слюсарева 1986: 10].

Процесс, обозначенный выше как историческая топикализация подлежащего, мог бы быть назван и иначе – процессом исторической субъективации топика, ибо топик первичен, его же субъектная форма вторична. Однако между этими характеристиками процесса существует и определенное отличие: первая подчеркивает историческое изменение содержания подлежащего, вторая – структуру топика. Иными словами, речь идет об едином, но двустороннем процессе, касающемся как плана содержания, так и плана выражения. Соответственно, отправная точка этого процесса должна, по-видимому, характеризоваться наличием двух или более форм подлежащего, различающихся не в плане коммуникативного членения предложения, но в ином содержательном плане, а также отсутствием особой маркированности подлежащего-топика, хотя топик имел в предложении то или иное оформление независимо от оформления соответствующего члена предложения и его морфологического выражения. Возвращаясь к определению подлежащего как грамматикализованного топика [Ли, Томпсон 1982: 228], отметим его неточность, т.к. топик, по нашему мнению, грамматикализован в любом языке уже постольку, поскольку он оформлен синтаксически (порядком слов и интонацией). Вышеприведенная формулировка означает, по-видимому, конкретную грамматическую форму топика – подлежащее, выраженное именительным падежом.

Для более точного определения характеризуемого процесса необходимо более четкое определение содержания подлежащего неноминативного типа. Трудность же заключается прежде всего в том, что в неноминативных типах нет, в отличие от но-

минативного, единой формы подлежащего, а следовательно, и его единого значения. В таком случае значение темы, топика должно проявляться в качестве синтагматического, вторичного у разных подлежащих, объединяя их и постепенно оттесняя их первичные значения на периферию.

Если принять точку зрения об активном строе раннего протоиндоевропейского, становится очевидным, что подлежащие активной и пассивной конструкции соответственно имели значение актива или пассива, т.е. производителя активного действия или носителя состояния. Среди последних может быть выделено в качестве частного случая значение носителя такого состояния, которое явилось результатом произведенного активного действия. Ср. деривационные связи ряда стативных и активных глаголов в некоторых неиндоевропейских языках, например, в языке гуарани: *éira* "называться" ~ *mo-héra* "называть", *poíí* "быть чистым" ~ *mo-poíí* "чистить" [Климов 1977: 87], а также образование каузативных глаголов от "непереходных" типа: *gweyi* "падать" ~ *mo-gweyi* "валить", где "непереходный глагол не является стативным" [Gregores, Suarez 1967: 207, 224]. Особого внимания заслуживает факт наличия класса аффективных глаголов, например, в языке ассинибойн, где в этот класс входят и такие, которые, "хотя и не маркируют адресата действия, являются нейтральными относительно оппозиции активного действия и состояния" [Климов 1977: 96–97], при этом источник действия может не совпадать или совпадать с носителем состояния. Ср.: *yaká* "сидеть", "лежать", "быть оставленным" и *iyúksa* "думаться", "догадываться" [Levin 1964: 42–43]. Интересно отметить, что во втором случае этот класс обнаруживает семантическую близость с претерито-презентными глаголами германских языков (ср. древнеисландские глаголы *tinna* "вспоминать", *eiga* "иметь" и др., обозначающие состояние субъекта, возникшее в результате совершенного им же действия, то есть, подлежащее совмещает в этом случае и значение производителя действия и значение носителя состояния).

На возможность совмещения функций объекта действия и субъекта состояния в одном и том же члене предложения обращает внимание А.В. Бондарко, рассматривая предложения типа *Этот вопрос никем еще не решен*, где "функция О действия, выполняемая компонентом *этот вопрос*, не просто сосуществует с функциями С состояния, С пропозиции и С как темы при актуальном членении высказывания, но и определенным образом взаимодействует со всеми этими аспектами субъектных функций. Функция С состояния явно связана с функциями С пропозиции и С темы, поскольку состояние как сигнификативный предикативный признак приписывается субъекту как денотируемой и называемой субстанции, выступающей как "предмет мысли" и как тема высказывания" [Бондарко 1992: 46].

Думается, что доминирующий тип порядка слов в языках активного строя S(O)V [Климсв 1977: 123] с начальной позицией подлежащего в предложении свидетельствует об определенной коммуникативной нагрузке подлежащего, независимой от его активного или пассивного значения (наличие объекта в этой модели необязательно): именно топик, а не подлежащее, по справедливому замечанию Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон, должен помещаться в начальную позицию в предложении, поскольку в потоке речи неизбежно происходит эшелонирование (serialization) сообщаемой информации, "подлежащее же, как понятие, в большей степени ориентированное на предложение, не должно иметь никакого превосходства в этом процессе эшелонирования информации [Ли, Томпсон 1982: 203]. Если в отношении номинативного строя необходимы доказательства причины постановки подлежащего-топика на первое место, то для языков активного или эргативного строя ввиду наличия в них подлежащих, различных по форме и содержанию, причиной такого явления может быть лишь то, что объединяет обе разновидности подлежащего, т.е. их функционально-коммуникативная нагрузка. По-видимому, на определенном этапе развития изменилось соотношение между парадигматическим и синтагматическим значением подлежащих активной и пассивной конструкций, в силу чего формальная маркирован-

ность актива и инактива уступила место единой маркированности подлежащего-топика.

Не исключено, что необходимость усиления формального маркирования топика особым падежом была вызвана расширением сферы письменного общения, так как при этом ограничивалась функциональная значимость интонации, а порядок слов не представлял собой универсальной модели. Вполне возможно, что именно в силу этих обстоятельств индоевропейские языки миновали эргативную стадию развития. Однако этот вопрос требует тщательного исследования на материале большого количества языков. Во всяком случае мы не склонны сводить многообразие возможных причин зарождения номинативного строя к какой-либо одной, что означало бы непозволительное упрощение проблемы.

4. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ЭТАПЫ НОМИНАТИВИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Процесс исторической топикализации подлежащего частично соприкасается с процессом развития от топика к подлежащему, описанным В. Леманом [Lehmann 1976]. Но эти процессы не накладываются друг на друга полностью, поскольку, во-первых, вряд ли совпадают их хронологические рамки, во-вторых, различны исходные, отправные модели этих двух процессов развития. Дело в том, что в основе данной теории В. Лемана лежит понятийный аппарат "новой типологии языков", как он был охарактеризован Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон [Ли, Томпсон 1982]. Эта новая типология различает языки с выдвижением подлежащего (индоевропейские, финно-угорские и др.) и языки с выдвижением топика (китайский, лаху, лису), а также языки с выдвижением как подлежащего, так и топика (японский, корейский) и языки, в которых нет ни выдвигаемого подлежащего, ни выдвигаемого топика (тагальский, иллокан) [Ли, Томпсон 1982: 195]. Опираясь на понятия новой типологии языков, авторы не обращаются к понятиям континентальной типологии (активный, эргативный, номинативный типы), в связи с чем вопрос о семантической детерминанте номинативного строя не ставится. Более того, языки, принадлежащие по классификации Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон к разным типам (индоевропейские, китайский, японский), относятся к одному континентальному типу – номинативному.

Согласно теории В. Лемана, описываемый им сдвиг от топика к подлежащему произошел в индоевропейских языках в "доисторическую" эпоху и, соответственно, остался незафиксированным в письменных памятниках [Lehman 1976: 454]. Вместе с тем В. Леман принимает положение Г.А. Климова об активном строе раннего протоиндоевропейского, в связи с чем отмечает ряд признаков активного и номинативного типов, не упоминая при этом исторического сдвига от топика к подлежащему [Lehman 1989]. Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон, описывая характеристические свойства языков с выдвижением топика, отмечают: "В языках типа vT^7 должно иметься поверхностное кодирование для топика, но необязательно должно быть таковое для подлежащего" [Ли, Томпсон 1982: 205]. Все это дает некоторые основания предположить, что: 1) сдвиг от топика к подлежащему протекает в рамках номинативного типа, не совпадая ни в своем начале, ни в своем конце с границами его существования, включая полное оформление номинативного строя; 2) процесс перехода формального маркирования с топика на подлежащее (сдвиг от топика к подлежащему) иерархически подчинен процессу исторической топикализации подлежащего; 3) процесс исторической топикализации подлежащего, по-видимому, является ведущим при оформлении номинативного строя.

Иными словами, можно предположить следующие основные этапы развития номинативного типа: 1) разрушение маркеров оппозиции актив/инактив в сфере подлежащего на фоне сохранения при подлежащем маркера топика; формальное неразли-

⁷ Так обозначаются языки с выдвижением топика.

чение маркеров топика у подлежащего и неподлежащего – зарождение номинативного строя; 2) закрепление за подлежащим показателя, восходящего к показателю топика; единое оформление подлежащего (топика и нетопика); нераспространение показателя подлежащего на топика, выраженные иными членами предложения – становление языкового типа с выдвиганием подлежащего; 3) полное исчезновение неноминативных и псевдономинативных структур – завершение процесса оформления номинативного строя. Первый этап не засвидетельствован в письменных памятниках индоевропейских языков, второй может частично проследиваться в индоевропейских языках, третий наблюдается лишь в некоторых из индоевропейских языков.

Последний, третий из предполагаемых этапов, не мыслится как исключаящий возможность тематичности сказуемого или второстепенных членов предложения. Речь идет лишь о структурах, топика которых имеют предрасположенность к приобретению показателя номинатива (причем параллельно протекает процесс свертывания категории падежа). Поэтому представляется необходимым разграничить внутри непрототипических конструкций продуктивные и непродуктивные. Так, конструкции типа англ. *Yesterday he was ill* "Вчера он был болен" представляются продуктивными и для русского и для английского языков, поскольку не обнаруживают в процессе исторического развития индоевропейских языков тенденции к субъективации топика типа *yesterday*. Иное дело – конструкции типа *У меня болит голова, У меня есть брат, Е го здесь не было, Светает* (ср. нем. перевод: *I c h habe Kopfschmerzen, I c h habe einen Bruder, E r war hier nicht, E s dämmert*, однако нем.: *M i c h friert: М е н я знобит* и под.), где косвенный падеж имени (с предлогом или без него), выступающего в роли топика, выглядит как архаизм на фоне общей тенденции развития и как бы являет собой прообраз будущего подлежащего (особого внимания заслуживают в этом плане безличные глаголы). Во избежание отождествления подобных элементов конструкции с подлежащим А.В. Бондарко вводит понятие "носитель предикативного признака". Носитель предикативного признака может быть представлен подлежащим (*О н филолог*) или его заместителями, аналогами (см. примеры выше), а также может быть не выражен дискретно ("значащее отсутствие подлежащего": *Люблю тебя, Звонят* и под.). Выделенный класс синтаксических элементов трактуется как полевая структура, центром которой является подлежащее [Бондарко 1992: 55].

Из предполагаемых трех этапов процесса исторической топикализации подлежащего наиболее трудным для описания представляется первый. Закономерен вопрос: Если это уже номинативный строй с "универсальным" подлежащим, но структура предложения еще не является структурой с выдвиганием подлежащего, то каково же в этом случае содержание подлежащего на данном этапе? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к анализу коммуникативной нагрузки подлежащего в языках с выдвиганием топика. К сожалению, Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон оставляют этот вопрос совершенно без внимания. Однако большинство из проводимых ими многочисленных примеров наглядно иллюстрируют наличие партитивных или посессивных отношений между топиком и подлежащим. Например:

лаху:	h₂	ǰ	na – qhǰ	yt	ve	uó.
	слон	топик	нос	длинный	частица	показ. повест.
	"Слоны (топик), нос длинный" [Ли, Томпсон 1982: 207]					
китайск.:	Tāmen	shéi	dōu	bù	lái.	
	они	кто-либо	все	не	приходить	
	"Они (топик), никто из них не пришел" [Ли, Томпсон 1982: 224].					

В подобных конструкциях тематичность подлежащих очевидна, в специальном выражении ее нет необходимости, поскольку она логически вытекает из наличия посессивных или партитивных отношений между топиком и подлежащим. Что же касается других приведенных авторами примеров, где подлежащее оказывается ре-

Среди аффективных глаголов выделяются переходные глаголы, не образующие пассива. Таковы, например, в немецком языке: *haben, besitzen* "иметь", *bekommen* "получать", *kennen, wissen* "знать", *kennenlernen* "знакомиться", *erfahren* "узнавать", *betreffen* "касаться", *kosten* "стоить", *interessieren* "интересовать", *enthalten* "содержать", *brauchen* "нуждаться". Сюда же следует отнести безличные переходные глаголы типа "меня знобит". Среди непереходных аффективных глаголов выделяются глаголы типа связочных "быть", "становиться" нем.: *sein, werden*) и модальных (нем.: *können* "мочь", *dürfen* "сметь", *sollen* "долженствовать" и др.). Отметим архаичность непереходных аффективных глаголов, выражающуюся в их нерегулярном словоизменении (неправильные, претерито-презентные глаголы) и их способность к полной потере лексического значения и переходе в класс вспомогательных глаголов (связочные, модальные и вспомогательные глаголы являются инновациями номинативного строя [Климов 1973: 444]). Строго говоря, связочные, модальные и тем более вспомогательные глаголы нельзя квалифицировать ни как непереходные, ни как переходные именно в связи с ослабленностью их лексической семантики вплоть до полного ее исчезновения. Непереходные глаголы, обозначающие действия человека, выделяются в связи с их способностью в ряде языков образовывать так называемый безличный пассив, например, нем.: *Es wird hier getanzt* "Здесь танцуют"; *Hier wird nicht geraucht* "Здесь не курят"; *Gestern wurde viel gestritten* "Вчера много спорили" (о неопределенно-личных предложениях в языках различных типов см. [Ермолаева 1994]).

В порядке пояснения предложенных характеристик коснемся еще некоторых вопросов. Разграничение существительных на собственные и *ipica* VS. остальные нарицательные теснейшим образом связано с их отношением к категории определенности/неопределенности, которая в свою очередь связана с тема-рематическим членением (существительные собственные и *ipica*, как правило, являются определенными, остальные могут быть не только определенными, но и в той или иной мере неопределенными). Что касается синтаксиса и морфологии, следует отметить, что в последнее время преобладает точка зрения относительно пассивной конструкции как способа рематизации обозначения действия или же агенса [Козинцева 1978; Leiss 1992 и др.]. (В исследовании [Leiss 1992] приводится материал различных языков.) Соответственно, и второй синтаксический признак – содержание дополнения в активной и пассивной конструкциях – соотносен с ремой- пациенсом или ремой-агенсиом. (Относительно зарождения пассивной конструкции на основе субъектно-объектного спряжения см. [Ермолаева 1994]).

Отдавая себе отчет в наибольшей дискуссионности тезиса о тема-рематической ориентации именительного и винительного падежей, рассмотрим этот вопрос несколько подробнее. Уже в отношении эргативных языков М.А. Кумаховым было отмечено, что многие формы, рассматриваемые как эргатив, далеко не всегда выражают синтаксические отношения между словами в предложении или в синтагме, а часто выступают как члены оппозиции определенность/неопределенность [Кумахов 1967]. М.А. Кумахов приводит в качестве примеров адыг.: *Лы-м-рэ шъуызы-м-рэ къэкӀуагъэх* "Мужчина и женщина пришли"; *Лы-м-рэ шъуызы-м-рэ атхыгъ* "Мужчина и женщина написали что-то", где снимается противопоставление между эргативом и абсолютивом по признаку переходности/непереходности глагола. В обоих случаях имя действующего лица принимает морфему *-м*, которая в данном окружении представляет собой, по мнению М.А. Кумахова, свободный, вставочный элемент, выступающий в качестве определенного члена. Морфема *-м* в конструкциях типа "союзная форма имени + непереходный глагол" последовательно чередуется с нулевой морфемой, являющейся показателем неопределенности: *Лы-рэ шъуыз-рэ къэкӀуагъэх* [Кумахов 1967: 168–169, 171]. В результате анализа этих и многих других конструкций с эргативом М.А. Кумахов приходит к следующему выводу: "Эргатив (да и вообще вся система склонения в рассматриваемых языках) переплетается не только с категориями определенности-неопределенности, но и с категориями числа и притя-

жательности. Выяснение соотношения взаимосвязанных именных категорий – падежа, числа, определенности-неопределенности и притяжательности – позволит глубже разобраться также в природе эргативной конструкции предложения в этих языках" [Кумахов 1967: 173].

В грамматиках адыгейского языка обычно отмечается наличие определенных и неопределенных имен (см., например, [Рогава, Керашева 1966: 60–63]), что подтверждается и текстами. Ср.: *Ащмэз цыкылу жъыеу, ятэ Лъэгущаклар ылоу зы пелуан горэм кыуклыгъагъ. Пелуаныр чыжьэ хъээрэу щалагъ апэчыжьэу.* "Ашемез малым маленьким когда был, его отца Тлегуцжаче называющийся оди и богатырь какой-то убил, Богатырь далеко довольно жил от них вдалеке" ("Ащмэз", из адыгейского нартовского эпоса) [Яковлев, Ашхамаф 1941: 446], где формы *пелуан/пелуаныр* противопоставлены по признаку определенность/неопределенность.

Интересно, что типологически сходные явления наблюдаются и в чукотско-камчатских языках [Жукова 1967]. Так, например, в языке паланских коряков для существительных, обозначающих одушевленные предметы, в косвенных падежах различаются определенные и неопределенные формы [Жукова 1980: 56]. Ср. *Эньпичу* (абсолютный падеж) *йунатылқэлат эв'инэк* "Родители жили на устье"; *В'эньэпың эньпичинэк* (творительный падеж) *энапыңлой гыммэ* "По дороге отец спросил меня" (Гымнинэв' тумгу "Мои друзья" [Жукова 1980: 142–143]), где в форме *эньпичинэк -нэ-* означает определенность, *-к-* – падеж.

Показатели определенности, включенные в словоформу существительного, необходимо отличать от показателей топики, которые могут присоединяться к любому слову, как, например, в русск.: *Придти-то он пришел, да помочь-то не смог* (ср. аналогичную функцию частицы *ti* в языке ория [Зограф 1976: 66]). Наличие таких частиц, по-видимому, обеспечивает переход языков из типа с выдвижением топики к типу с выдвижением подлежащего. Размежевание же ситуационного (семантические роли) и референциального (определенность/неопределенность) компонентов семантического представления в парадигме существительного – более позднее явление, когда функции выражения семантических ролей все более переходят к порядку слов, а определенность/неопределенность получает новое, более последовательное выражение.

Упомянутые выше адыгейские и чукотско-камчатские модели существенно отличаются от некоторых встречающихся в номинативных языках случаев сочетания в одной синтетической словоформе показателей определенности и семантических ролей. Ср. исланд.: *hesturinn* "(определенная) лошадь", где *-ur-* показатель именит.п. ед.ч. существительного, *-inn* определенный артикль именит. пад.ед.ч. Регулярность обозначения определенности в языках с постпозитивным артиклем дает основания говорить о наличии в них определенного и неопределенного типов склонения. Ср. им.ед.: *hesturinn/hestur*, род.ед.: *hestsins/hests* и т.д. В других языках (например, русском, эстонском), где подобные различия отсутствуют, может наблюдаться влияние определенности/неопределенности на выбор падежа. Ср. русск.: *выпей молока* (определенность); *выпей молока* (неопределенность); эстонск.: *Joo ota piim ära* "Выпей свое молоко" (абсолютный падеж), но: *Ma ostsin võid* "Я купил масла" (парциальный падеж) [Эстонский язык 1993: 128].

Следует согласиться с реконструкцией по крайней мере для отдельных ареалов праиндоевропейского наряду с противопоставлением по признаку "активный (одушевленный) субъект/неактивный (немаркированный по одушевленности/неодушевленности) объект" зарождающегося противопоставления референциального характера [Степанов 1989: 123–124]. В дальнейшем необходимо также уточнить, какая из упомянутых выше моделей словоформ, сочетающих ситуационный компонент смысла с референциальным, могла быть исходной при формировании именованного склонения, засвидетельствованного в первых письменных памятниках.

Помимо категории определенности/неопределенности можно назвать целый ряд других явлений инновационного характера, которые могут быть интерпретированы именно в плане возрастания ориентированности парадигматики различных уровней на передачу тема-рематических отношений. К таким явлениям относятся, например, развитие *verba habendi*, вытеснение конструкций *mihi est* конструкцией с *habeo* [Ермолаева 1991], наличие переходных неpassивоспособных глаголов, развитие "безличного" пассива от непереходных глаголов, пассивных конструкций типа англ.: *I was given a book* "Мне дали книгу", наряду с *The book was given to me* "Книгу дали мне", сокращение числа безличных глаголов с устранением безличных конструкций с косвенным падежом имени. Данные конструкции сохраняются лишь в языках с устойчивой падежной системой и слабооформленными либо отсутствующими морфологическими показателями определенности/неопределенности. Примером может служить исландский язык с хорошо сохранившейся четырехпадежной системой и минимальной представленностью артикля (определенный/нулевой), где количество таких конструкций, согласно нашим подсчетам по "Исландско-русскому словарю" [Исландско-русский словарь 1962], достигает 360, среди них такие "необычные", как *degi hallar* "день кончается", *mjólkina ystir* "молоко свертывается", *tók af höndina* "руку оторвало", *honum stórfötti* "он очень обиделся", *mér seinkaði* "я опоздал" и под. Заслуживает серьезного внимания и высказанная Э. Косериу мысль о системной соотнесенности подобных безличных конструкций с пассивными и взаимоисключенности в языке конструкций типа **Es schlägt den Hans* и *Hans wird geschlagen* "Ганса бьют" [Coseriu 1987: 22–23].

6. НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Процесс исторической топикализации подлежащего как ведущая тенденция развития языков номинативного строя заключается в нарастании в семантике подлежащего коммуникативного, референциального и дейктического компонентов, наслаивающихся на ситуационные компоненты. Этот процесс выражается формально в становлении языкового типа с синтаксическим членением, где выделяются подлежащее, прямое и косвенное дополнения. Признавая активные и эргативные языки чистыми ролевыми (лакота, большинство дагестанских) или коммуникативно-ролевыми (ачинский, эскимосский), а номинативные, как правило, коммуникативно-ролевыми [Кибрик 1994: 20–23, 17], видимо, можно предположить и закономерность развития от активного или эргативного типов к номинативному, заключающегося в нарастании коммуникативного компонента в семантике всего предложения, что и порождает необходимость поэтапной перестройки парадигматики различных уровней языковой системы, в частности, переход ролевых функций от падежа к синтаксису и залогу. Процесс исторической топикализации подлежащего, видимо, начинается в позднеактивном или позднеэргативном периоде и приводит к становлению номинативного строя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адмони В.Г. 1960 – Двучленные фразы в трактовке Л.В. Щербы и проблема предикативности // ФН. 1960. № 1.
- Бондарко А.В. 1992 – Субъектно-предикатно-объектные ситуации / Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.
- Гухман М.М. 1967 – Конструкции с дательным/винительным лица и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
- Ермолаева Л.С. 1991 – Место и роль типологического метода в сравнительно-исторических исследованиях // Типология языков и межуровневые связи / Сб. науч. трудов Моск. гос. лингвистического ун-та. Вып. 382. М., 1991.

- Ермолаева Л.С.* 1994 – Неопределенно-личные предложения и номинативный строй языка // Acta universitatis scientiarum socialium et artis educandi Tallinnendi. Pedagoogica Ülikooli u toimetised humaniora adra, 1994.
- Жукова А.Н.* 1967 – Выражение подлежащего в эргативной конструкции предложения чукотско-камчатских языков // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
- Жукова А.Н.* 1980 – Язык паланских коряков. Л., 1980.
- Зограф Г.А.* 1976 – Морфологический строй новых индоарийских языков (опыт структурно-типологического анализа). М., 1976.
- Исландско-русский словарь 1962 – Исландско-русский словарь / Сост. В.П. Берковым при участии А. Бедварссона. М., 1962.
- Касевич В.Б.* 1992 – Субъектность и объектность: проблемы семантики // Теория... 1992.
- Кацнельсон С.Д.* 1972 – Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кибрик А.Е.* 1976 – Структурное описание арчинского языка методами полевой лингвистики: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1976.
- Кибрик А.Е.* 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М., 1992.
- Кибрик А.Е.* 1994 – Стратегии организации базовой структуры предложения и интегральная типология языков // Вестник МГУ. Филология. 1994. № 3.
- Климов Г.А.* 1973 – Типология языков активного строя и реконструкция протоиндоевропейского // ИАН СЛЯ. 1973. Вып. 5.
- Климов Г.А.* 1977 – Типология языков активного строя. М., 1977.
- Климов Г.А.* 1983 – Принципы континентальной типологии. М., 1983.
- Козинцева Н.А.* 1978 – Коммуникативная нагрузка членов предложения в активных, пассивных и неопределенно-личных предложениях (на материале армянского языка) // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- Кумахов М.А.* 1967 – К проблеме эргатива в адыгейском, кабардинском и убыхском языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
- Ли Ч.Н., Томпсон С.А.* 1982 – Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.
- Розава Г.В., Керашева З.И.* 1966 – Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп, 1966.
- Слюсарева Н.А.* 1986 – Категориальная основа тема-рематической организации высказывания-предложения // ВЯ. 1986. № 4.
- Солнцев В.М.* 1993 – Общее языкознание и изолирующие языки // ИАН СЛЯ. Т. 52. 1993. № 6.
- Степанов Ю.С.* 1989 – Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Теория 1992 – Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.
- Трубецкой Н.С.* 1987 – Мысли об индоевропейской проблеме // Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Шмелев А.Д.* 1992 – Определенность/неопределенность в аспекте теории референции // Теория... 1992.
- Эстонский язык 1993 – Эстонский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993.
- Яковлев Н., Ашхамаф Д.* 1941 – Грамматика адыгейского литературного языка. М.–Л., 1941.
- Якубинский Л.П.* 1986 – Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.
- Coseriu E.* 1987 – Bedeutung, Bezeichnung und sprachliche Kategorien // Sprachwissenschaft. Bd 12 (1987), Hft. 1.
- Gregores E., Suarez J.A.* 1967 – Description of Colloquial Guarani. The Hague-Paris, 1967.
- Järventausta M.* 1991 – Das Subjekt im Deutschen und im Finnischen. Seine Formen und semantischen Rollen. Frankfurt-am-Main; Bern; N.Y.; P., 1991.
- Lehmann W.P.* 1976 – From Topic to Subject in Indo-European // Subject and Topic / Ed. by Ch.N.Li. N.Y., San Francisco; L., 1976.
- Lehmann W.P.* 1989 – Earlier stages of Proto-Indo-European // Indogermanica Europaea / Grazer linguistische Monographien, 1989, 4.
- Leiss E.* 1992 – Die Verbalkategorien des Deutschen. Ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. B.; N.Y., 1992.
- Levin N.B.* 1964 – The Assiniboine language. The Hague, 1964.